

# ПО-ДЕЛОВОМУ О ПРАЗДНИЧНОСТИ

Вчера в Москве гала-концертом на сцене Большого театра Союза ССР завершились гастроли Государственного академического театра оперы и балета Литовской ССР. За 21 день театр при полных аншлагах дал 22 представления, показав девять оперных и балетных спектаклей и большой концерт, на которых побывало около 40.000 москвичей и гостей столицы.

Сегодня размышлениями об оперных постановках литовских артистов делится московский искусствовед, заслуженный работник культуры РСФСР М. Игнатьева.

Гастроли открыла опера «Пиленай» В. Кловы, произведение, вот уже 30 лет не сходящее со сцены театра благодаря удивительной свежести, мелодичной щедрости языка, прочно опирающегося на народную интонационно-ритмическую основу, богатству оркестровых, хороше красок, сочной образности музыкальных характеристик героев. В основе сюжета — достоверный исторический факт нападения крестоносцев на крепость Пиленай. Воссоздавая события героической борьбы народа против иноземных завоевателей, композитор, а с ним и постановщик (режиссер — Э. Домаркас, художник — Я. Малинаускайте, дирижер — Р. Генюшас, хормейстер — А. Ариунас) сумели по-современному увидеть далекое прошлое народа, события тех лет, героев той поры и воспроизвести их в современном ключе, ярко, живо, динамично.

В показании сейчас редакции «Пиленай» все очень убедительно, ярко, увлекательно. Покоряет звучание хора и оркестра, передающих значимость и остроту героических событий. Запоминаются образы, мастерски выписанные талантливыми актерами (именно актерами, а не просто певцами) — Мирты (А. Стасюняйте), с ее психологически сложным миро-

чувства, переживаний; частного отважного воина Удриса (А. Маркусас). Незабываем в своей нежной лиричности, благородстве и искренности портрет дочери князя Маргириса — Эгле (И. Милькявичюте).

Об этой певичке, природный дар и великолепное вокальное мастерство которой просто поражают, хочется сказать особо. Пожалуй, из многих и многих известных мне оперных певцов, исполняющих сопрановые партии, редко кого можно поставить вровень с И. Милькявичюте по красоте тембра, по кристальной чистоте интонации, по поразящему диапазону динамических красок голоса, которому доступны и едва уловимый «шепот», и громкость, парализующая даже громадный оркестр (увы, болезнь, как я могла заметить, присутствующая дирижером театром). Мне посчастливилось услышать певицу в трех спектаклях, и во всех трех она великолепна — и Эгле в «Пиленай», и Дездемона в «Отелло», и Чисо-Чисо-сан в «Мадам Баттерфляй».

«Отелло» — это спектакль оперных звезд литовского театра. По уровню вокальной культуры эту работу литовской труппы можно поставить вровень с самыми прославленными постановками. Повторю, именно по певческой культуре, мастерству трех ар-

тистов — В. Норейки (Отелло), И. Милькявичюте (Дездемона) и Э. Канаяса (Яго). Другие компоненты спектакля — режиссерское решение Р. Сипариса, работа дирижера В. Виржониса, художника Э. Рентера — одно больше, другое меньше — на хорошем уровне, но не более того. К примеру, показалось, что слишком часто на рампу, на зрителя выстраивает режиссер мизансцены, что совсем не найден им сценический рисунок для хора; и к дирижеру есть претензии по поводу баланса между оркестровыми партиями и сольными вокальными.

Да, состав солистов в литовской опере — завидно хорош для многих и многих трупп. Ведь в труппе есть еще и Н. Амбразайтите (она была занята в партиях Марины Мишкевич в «Борисе Годунове» и Эболи в «Дон Карлосе»), есть А. Стасюняйте (Сузуки в «Мадам Баттерфляй» и Эмилия в «Отелло»), Мирта в «Пиленай», Б. Алмонайтис (хозяйка корчмы в «Борисе Годунове»), и в группе мужских голосов есть солисты-певцы, продемонстрировавшие москвичам свою отличную профессиональную культуру, способность решать труднейшие задачи оперного артиста. Это и В. Даунорас: он держал «экзаме́н» в весьма сложных по вокалу, по сценическому решению партиях Бориса Годунова и Дон Карлоса, создал образы весьма и весьма впечатляющие. Это — Б. Тамашаускас — ему тоже выпала нелегкая миссия участия в трех совсем различных по стилистической принадлежности операх, выражения совсем различных человеческих судеб и характеров: Самоуза в «Борисе Годунове»

Мусоргского, инфанта Дон Карлоса в одноименной опере Верди и лейтенанта американского флота в «Мадам Баттерфляй» Пуччини. И для каждого из них артист нашел соответствующий ключ, достаточно убедительный.

Нет возможности перечислять всех, кто выступал в Москве во время гастролей театра и выступал успешно, кто доказал, что театр способен решать серьезные проблемы оперного искусства. Но если говорить о законченности работ, о спектаклях в целом, во всех их составных, то безупречен в этом плане спектакль «Мадам Баттерфляй». Режиссерское решение В. Мишайте, звучание оркестра под управлением И. Алексю, сценография И. Бируля, актерские прототипы образов (Баттерфляй — И. Милькявичюте, Сузуки — А. Стасюняйте, Пинкертон — Б. Тамашаускас) — все это цельное художественное произведение, где все составные неотделимы, неотъемлемы.

К сожалению, такого нельзя сказать об «Отелло» — здесь не уравнилась высота вокальной культуры, о которой сказано выше, музыкальной (дирижер В. Виржонис) и режиссерской (Р. Сипарис). Я никак не могу согласиться с тем, что в театре такого высокого профессионализма, необходимо выстраивать мизансцены так, чтобы как можно прочнее «привязать» и хор и иных солистов к дирижерской палочке, что массовые сцены надо сочинять на каких-то образах-формулах, одинаково изображающих страдание, моление, предположим в «Отелло» (начало оперы) и в «Борисе Годунове» (а Пролог и в картине перед собором Василия Блаженного).

И в «Дон Карлосе» и исполнителям главных партий нет никаких претензий — с точки зрения музыкальной, они убеждают, волнуют, трогают: В. Даунорас (Филипп II), Г. Апанавичюте (Елизавета Валуа), Б. Тамашаускас (Дон Карлос), Н. Амбразайтите (Эболи), Э. Канаяса (Поэза). Нет претензий к чистоте и выразительности игры оркестра под управлением И. Алексю (уж такой чистоты в звучании медленной группы, которую я услышала в этом театре, давно не встречалась). Нельзя не удивиться изобретательности декорационного решения Л. Труйком спектакля. Но к режиссеру Н. Кротку все то же претензии — приспособляемость мизансцен к удобствам певца, фронтальные решения большинства эпизодов, дабы не потерялся из виду дирижер.

Самое большое сомнение или, точнее, недоумение, на мой взгляд, вызвала постановка «Бориса Годунова». История этой оперы, как известно, сложна и запутана. Литовский театр вроде бы выбрал первую редакцию самого Мусоргского, но «замесал» ее на стольких добавлениях из других вариантов, что получилось несколько странная композиция, в которой авторские акценты смещены, несколько иную окраску приобретают и тема народа в этой народной драме, и логика развития действия. Что побуждало дирижера И. Алексю и режиссера Р. Сипариса остановиться на таком варианте редакции? Не убедил меня и сценография В. Левентала: «смешанными» оказались условность и реальность, а может быть, и натуралистичность. В спектакле много бытовых подробностей — весьма натурально делаются, толкают друг друга, изображая грубость толпы;

но без натуралистических подробностей выполнены костюмы богатых и бедных, голодного люда и бояр, царских приспешников; с деталями выписаны декорации. Вместе с этим на глазах у зрителей тоже хоромы и соборы взлетают ввысь при переменах сцен, рабочие выносят какие-то детали оформления, что, конечно, предусматривает условность общего решения. Странное впечатление произвело то, что прекрасный прием изображения на прозрачном тюле грозного неба, должностоватого символизировать «смутное время», использован и тогда, когда звучит очень светлая, игриво-шуточная песня Корчмарки о селезне.

Много «почему?» возникает на этом спектакле, хотя и здесь актерские прочтения образов — В. Даунорасом (Бориса), В. Прудниковым (Пиленай), Я. Иосисом (Варлаам), Б. Тамашаускасом (Самозванец), Н. Амбразайтите (Марина Мишкевич), С. Лариничем (Юродивого) — ничего кроме уважения и их актерским и вокальным умениям, таланту, пониманию творческой задачи вызвать не могут.

Итак, если суммировать все впечатления, если положить на весы все положительное и отрицательное, что было высказано в этой статье, то замечания, конечно, покажутся мелочными, придирками, той минимальной порцией «дегтя» (даже не ложкой), которую, как считается, критики любят подпустить. Но в данном случае не этим руководствовалась я, говоря об отдельных недостатках, которые замечательному коллективу вполне можно было устранить, а, напротив, теми яркими впечатлениями, которые оставила труппа у благодарной московской публики.

М. ИГНАТЬЕВА.

г. Москва.